

УДК94(47)“1941/45”

ПРОБЛЕМЫ РЕАДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ-ФРОНТОВИКОВ К УЧЕБНОМУ ПРОЦЕССУ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ларионов Алексей Эдиславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, allar71@yandex.ru, ФГБОУ ВПО «Российский государственный университет туризма и сервиса», Москва, РФ

The article considers the problem of returning adaptation of veteran students to academic activity. The article points peculiarities of from-war-to-peace transition period mentality based on actual materials and sources. Readaptation is seen as a part of society's social and cultural problem. This returning transition from war to peace was no less difficult than earlier militarization of the society. The success was predestined by the complex of adaptation mechanisms based on high motivation of the participants and corporate solidarity.

Статья посвящена проблеме возвратной адаптации студентов-фронтовиков к учебному процессу. На фактическом материале и на основе источников реконструируются особенности ментальности переходного периода от войны к миру. Реадаптация рассматривается как часть социокультурной проблемы всего общества. Этот обратный переход от войны к миру был не менее труден, чем прежде милитаризация общества. Успешность была предопределена совокупностью адаптационных механизмов, основанных на высокой мотивированности участников и корпоративной солидарности.

Keywords: *Great Patriotic War, daily life, higher education, adaptation, studentship*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, повседневность, высшее образование, адаптация, студенчество*

В качестве базовых характеристик современного социокультурного развития нередко указываются высокий динамизм и перманентный характер модернизационных изменений, многие из которых носят фундаментальный характер. Изменчивость и вариативность стали константами социального бытия, распространяясь на подсистемы общественной жизни, включая сферу образования.

Однако указанная тенденция имеет и обратную сторону. Как известно, ни одна социальная трансформация, сколь бы конструктивной, продуманной и необходимой она ни была, не обходится без социальных издержек. На практике это означает более или менее длительный социальный дискомфорт, переживаемый отдельными людьми и целыми социальными группами, связанный со сменой ролей и статусов, часто помимо желания и воли участников изменений. Отсюда вытекает проблема

адаптации к новым, часто резко меняющимся условиям. Это является своеобразным вызовом людям со стороны внешней среды. Одновременно это вызов и для социальной системы в целом, а также ее властных структур, от которых зависит принятие и проведение в жизнь судьбоносных решений. По тому, насколько общество и власть сумеют снизить социальные издержки, смягчить переход в новое качество для конкретных своих членов, можно судить о степени заботы социальной системы о людях.

В настоящий момент российское образование нельзя назвать статичным. Точно также не является высоким уровень стабильности в российском обществе. Следовательно, для значительной части студенчества проблема адаптации к быстро меняющимся условиям является очень актуальной. Потому представляется целесообразным обратиться к историческому опыту одномоментного (по меркам

исторического времени) перехода довольно большого количества людей из одного качественного состояния в другое. В истории отечественного образования таким периодом стали 1945–1946 годы, когда в процессе массовой демобилизации миллионы фронтовиков возвращались к мирной жизни, среди них были тысячи тех, кто ушел на фронт со студенческой скамьи. Они прошли сквозь горнило военных испытаний, рано возмужали, пережив смерть товарищей, горечь поражений и радость побед, и после войны им предстояло заново вращаться в мирную жизнь, вспоминать полузабытые знания, браться за учебники, занимать места в аудиториях с тем, чтобы со временем стать дипломированными специалистами, наверстать те годы, которые они пожертвовали Родине на фронте.

Насколько трудным был этот переход для вчерашних победителей Германии и освободителей Европы? Как они сами его восприняли и как относились к этому окружающие? На эти и смежные вопросы автор попытается ответить в настоящей небольшой статье.

На 22 июня 1941 года в 817 высших учебных заведениях Советского Союза числилось 811 тыс. студентов. В 1941/1942 учебном году количество студентов составило 313 тыс. человек; в 1942/1943 учебном году — 227 тыс. Лишь с 1943 года число студентов начинает постепенно повышаться: в 1943/1944 учебном году оно составило 400 тыс., в 1944/1945 — 585 тыс., а в первый послевоенный учебный год количество студентов достигло 730 тыс. человек, т. е. постепенно приближалось к довоенному уровню. В связи с началом войны набор в вузы проводился в уменьшенном объеме и составил 94,6 тыс. человек, так что можно считать, что без малого 600 тыс. студентов ушли на фронт в первый год войны, а, учитывая уменьшение к 1942 году студенческого контингента до 227 тыс., можно говорить о дальнейшем уходе порядка 100 тыс. студентов из аудиторий в действующую армию. Кроме того, число аспирантов уменьшилось с 13 169 человек в июне 1941 года до 800 человек в феврале 1942 года [9, с. 38, 41, 42]. Хотя в последующем советское правительство стало принимать целенаправленные меры по расширению объемов подготовки будущих дипломированных специалистов путем ужесточения «брони» для студентов и даже частичного возврата из армии в вузы студентов и аспирантов, тем не менее, большинство ушедших на фронт

так и остались в действующей армии. К сожалению, далеко не всем из них посчастливилось дожить до Победы.

После окончания военных действий и начала массовой демобилизации летом 1945 года многие из бывших студентов поспешили вернуться в студенческие аудитории и возобновить учебу. Прежде всего, необходимо представить себе морально-психологическое состояние советских солдат на момент окончания военных действий и капитуляции Германии, то есть в апреле–мае 1945 года, поскольку в их числе были около 200 тыс. бывших студентов. Некоторые из них находились в составе действующей армии с 1941 года, другие пополняли ряды Красной Армии уже позднее, окончив по ускоренной программе военные училища и курсы, получив звания лейтенантов и младших лейтенантов, заняв место павших во главе пехотных и разведывательных взводов, минометных и артиллерийских расчетов, танковых экипажей и подразделений связи.

Далеко на востоке осталась родная Русская земля с руинами городов и пепелищами деревень, кого-то ждали матери, сестры и невесты, а кто-то потерял близких в лихолетье войны. Все они, несостоявшиеся учителя и инженеры, физики, математики и биологи, были вынуждены на длительный срок радикально перестроить свое сознание, отодвинув на задний план все, что не относилось непосредственно к науке уничтожать врага, выполнять приказ и выживать.

Солдатам и офицерам приходилось неделями и месяцами ночевать в окопах под открытым небом, совершать изнурительные многокилометровые марши в любую погоду, постоянно находиться под угрозой смерти, штурмовать немецкие города и фольварки, переходить «на подножный корм» в случае отставания полевых кухонь, хоронить погибших товарищей и ждать писем из дома. Данную ситуацию можно охарактеризовать как перманентно экстремальную, почти не оставляющую места для обычных человеческих чувств, эмоций и интересов. Оказавшись в ситуации постоянного выживания, человек вынужден приспособиться к ней, культивируя в себе те качества, которые способствуют выживанию, и подавляя, загоняя на периферию сознания те стороны своей личности, которые к этому не имеют отношения либо препятствуют. Это могло резко диссонировать с их ценностными установка-

ми, убеждениями, императивами и эталонами поведения и человеческих взаимоотношений. Таким образом, в условиях военной повседневности у вчерашних интеллигентов происходило погружение в измененное состояние сознания, которое можно обозначить как адаптационную трансформацию личности.

Молодые люди с романтико-идеалистическим настроем, многие из них выходцы из интеллигентных семей, привыкшие к определенной среде с высокоинтеллектуальными критериями общения и соответствующими запросами испытывали самое настоящее потрясение, оказавшись лицом к лицу с жестокими и запредельно тяжелыми реалиями войны и окопной жизни. Многие фронтовики из числа студентов в силу своего образования и духовно-эмоциональных запросов были в максимальной степени склонны к рефлексии, поэтому они часто, даже вопреки официальному запрету, вели дневники и фронтовые заметки, в которых и отражалось их моральное состояние, благодаря этому мы и можем иметь достаточно достоверную картину их переживаний в конце войны и в период возвратного перехода от войны к миру, возвращения домой и на студенческую скамью.

Бывшие студенты остро переживали жестокость войны, гибель людей, разлуку с близкими людьми, невозможность интеллектуального общения, невозможность заниматься любимым делом, читать книги, по крайней мере, те, которые им хотелось читать по роду своих интересов. Частым мотивом было ощущение усталости от войны.

Вот характерная цитата из фронтового дневника Владимира Стеженского, до войны студента ИФЛИ (историко-филологического института), военного переводчика в 8-й Гвардейской армии 1-го Белорусского фронта на завершающем этапе войны. В свой день рождения он записал следующее: «Мне уже 23 года. Каждый год я с ужасом пишу эти все увеличивающиеся числа. Так бесполезно проходит время. Уже три года можно зачеркнуть. Черт возьми, когда же конец этой войне! Неужели она еще продлится год, другой. Хватит! Домой хочется. Правда, сейчас здесь неплохо, но дома все-таки лучше. Скоро нас куда-то перебросят. Куда?» [10, с. 167].

Обращает на себя внимание переживание автором своего возраста — 23 года представляются как очень большая цифра. Почему? От-

вет прост: угроза смерти на войне отражалась на индивидуальном переживании времени. В данном случае мы можем убедиться в правоте основоположника феноменологии Эдмунда Гуссерля, который в своей работе «Внутреннее сознание времени» писал: «Переживания не упорядочиваются нами в какой-либо действительности. С действительностью мы имеем дело лишь постольку, поскольку она есть полагаемая, представленная, созерцаемая... В отношении проблемы времени это означает, что нас интересуют переживания времени... нас интересует то, что в этих переживаниях полагаются «объективные темпоральные данные»... Устойчивый временной порядок есть бесконечный ряд двух измерений..., два различных времени никогда не могут быть одновременными..., их отношения несимметричны» [3, с. 12].

Таким образом, для адекватной интерпретации человеческого восприятия войны необходимо учитывать его персональное восприятие времени. На войне, по свидетельству многих авторов фронтовых дневников, день, час или даже минута могли переживаться как год, в зависимости от плотности событий и их значимости для участника. Отсюда и обостренное восприятие проведенных на войне лет, жгучее желание вернуться к обычному нормальному течению жизни. Отсюда вытекает еще одна грань воинской ментальности студентов, ставших солдатами и офицерами: это глубинно-подсознательное понимание патологичности самого состояния войны, ее имманентной враждебности человеческой жизни и цивилизации. Тем не менее, на это ощущение накладывались многочисленные сдерживающие и компенсаторные механизмы, которые удерживали людей от крайних проявлений негативизма и консолидируя их в рамках военного социума. Сюда относятся патриотизм, необычайно актуализированный в период Великой Отечественной войны, стремление отомстить захватчикам за поруганную страну, за гибель родных и близких, присяга и чувство товарищества, наконец, просто осознание того, что путь к мирной жизни лежит через войну и победу.

Как отмечалось выше, культивирование военных качеств часто вступало в конфликт с ценностными установками людей, чьи первоначальные деятельностные доминанты и мотивации были качественно иными, не имевшими ничего общего с искусством

уничтожать врага и выживать самому. Так, уже упомянутый Владимир Стеженский в одной из записей своего фронтового дневника остро сетует на то, что он огрубел за время пребывания в действующей армии, многое позабыл из того, что раньше знал: «Вспоминается Москва, мирная жизнь, институт, МХАТ... Уже третья моя военная весна. Три года я не получаю никаких новых знаний и даже постепенно забываю то, что знал раньше. Как же я отстал от всего, от своих друзей, которые все эти годы могли учиться, могли пополнять свои знания... Мы здесь для того, чтобы снова вернуться в Москву прежняя мирная весна, чтобы мы снова могли гулять по нашему парку, по набережной, могли заниматься в Ленинской библиотеке, могли снова посмотреть «Вишневый сад» во МХАТе. Во всяком случае, совесть моя чиста: в эти тяжелые годы для всех нас я выполнил свой долг» [10, с. 165–166].

В приведенной цитате необходимо отметить следующее: автор с ностальгией вспоминает о довоенной жизни, сожалеет об отсутствии возможности пополнять свои знания, но в то же время испытывает гордость от собственной сопричастности к армии, это воспринимается им как исполнение долга первостепенной важности. Впрочем, сожаления по поводу невозможности учиться не были столь всеобъемлющи и фатальны во многих воспоминаниях и дневниках. Дело в том, что люди, мотивированные на постоянное потребление дескриптивной информации как средства для расширения диапазона собственных возможностей в рамках уже сформировавшейся системы мотивационно-деятельностных доминант и ценностных приоритетов, неустанно искали любых возможностей для восполнения информационного голода в фронтовых условиях. И, что самое удивительное, находили таковые.

Временными компенсаторами рационального либо эмоционального характера могли быть книги, найденные в разрушенных вихрем войны домах, письма из дома с описанием новостей, которые воспринимались как своеобразное «эхо из прошлого» и в то же время как высшая цель, порой почти недостижимая, к которой необходимо стремиться вопреки всему и вся, наконец, это могли быть нечастые встречи с представителями творческой интеллигенции, которые приезжали на фронт для встречи с фронтовиками, выступлений перед ними, концертов, взятия интервью и т. п.

Так, бывший танкист Иона Лазаревич Деген на всю жизнь запомнил, как к ним в часть приезжал Илья Эренбург, чьи статьи пользовались среди фронтовиков невероятной популярностью. Ветеран сожалел о том, что постеснялся подойти к своему кумиру для разговора, поскольку перед этим крепко выпил (после боя) [4, с. 399]. Но даже такая мимолетная встреча с журналистом, либо с артистами, иногда — с родственниками писателей или художников играла роль неизмеримо большую, нежели то могло быть в суе гражданской жизни.

Война научила людей ценить общение, в максимальной мере пользоваться любой возможностью непосредственного восприятия жизни и разговора о ценностях априорно непреходящих, ощущать их заведомое имманентное превосходство и нетленность перед лицом войны, уродство и ненормальность которой, а следовательно, неизбежность ее прекращения, равно как и торжества жизни, представляли даже не как аксиому, а как детерминированную всем ходом вещей предопределенность. Однако общение общению рознь. Для многих студентов, на длительное время попавших на фронт, зачастую не менее тяжелым испытанием, нежели физические тяготы и опасности войны, было пребывание в обстановке грубости, необходимости привыкать к жесткой и безапелляционной, не признающей исключений и не делающей поблажек воинской дисциплине, грубому «казарменному» юмору, «матерному» стилю руководства войсками. Причем ощущение дискомфорта часто не притуплялось вплоть до конца войны и демобилизации из армии. Последнее обстоятельство, впрочем, свидетельствует о высокой степени резистентности первичных ценностных установок личности, которые, даже пребывая в репрессированном состоянии, тем не менее, оказывали свое незримое воздействие на человека. О подобном чувстве дискомфорта от материны пишет неоднократно в своем дневнике лейтенант Владимир Гельфанд, начинавший фронтовой путь рядовым бойцом в стрелковой роте, а затем дослужившимся до лейтенантских звездочек. Его неприспособленность к жестоким реалиям войны и принятым вокруг разговорным нормам, бытовая непрактичность, ранимость и самолюбивость, щепетильность в отношении сбережения предметов личного пользования часто вызвали насмешки более «толстокожих» бойцов

и командиров, нередко ставили вчерашнего студента в нелепое положение.

Безусловно, далеко не все студенты и аспиранты, оказавшись в ополчении либо в кадровых воинских частях (уже к 1942 году различия между ними практически нивелировались), столь остро переживали и рефлексировали по поводу своей неприспособленности. Но, как бы там ни было, о мирной жизни и возвращении к учебным и научным занятиям, к книгам и привычной интеллектуальной среде мечтали практически все студенты-фронтовики, оставившие нам свои дневники и воспоминания.

Наконец наступил столь долгожданный для всех День Победы. С какими мыслями и ощущениями встретили студенты-фронтовики Победу, как они ощущали себя в первые мирные дни и как, собственно, осуществилось их возвращение к мирной жизни, к учебе и к научным занятиям?

Безусловно, главенствующим чувством было чувство радости, захлестывающего все вокруг ликования — от самого факта Победы, от чувства причастности к великому, по сути — эпическому свершению. В немалой степени тому способствовало осознание того, что остались в живых. С особенной силой это чувство захватывало в свою орбиту молодых лейтенантов. Многие из них, попав в разное время на фронт и быстро расставшись с иллюзиями, практически записали себя в смертники и остаться в живых не надеялись. Уровень образования, как говорилось выше, обусловил заведомо более высокую планку рефлексии и, что немаловажно, ее нарративной артикуляции, нашедшей отражение как раз в мемуарах и дневниках, в том числе тех эмоций, мыслей, которые касались осознания феномена собственного выживания в огненном вихре последних сражений войны.

В качестве примера можно привести воспоминания будущего художника (на момент Победы, естественно, недоучившегося) Игоря Иосифовича Николаева о переживании первых мирных дней: «В мае 45-го мы, лейтенанты 712-го стрелкового полка Алексеев и Николаев, свою Победу пропили. Да как!

Не только множество однополчан разных чинов и званий, но сумели от щедрости души вовлечь в разгул и гражданских немцев. Разгневанное начальство приняло меры. Немцы затаились, а военных — многие еле двигались — строем загнали в санчасть и протрезвили.

Главные виновники вылетели из наградных списков. «Зря гимнастерки под ордена дырявили». Алексееву — двадцать два, мне — двадцать. Лишение заслуженного перенесли беспечно. По два ордена уже имелось, и что там ордена. Война кончилась, а мы живы!..

...Выпили для поднятия духа. Алексеев предложил все-таки «написать завещания». Кроме английского шерстяного обмундирования, ничего за душой не оказалось. От своей бедности расстроились и добавили еще. Вспомнили угрозу Васьки, что никаких наград им не будет, и, хотя наплевать, тоже выпили. От унижения.

И тут осенило:

— Война кончилась, а мы живы?!

Пили молча. Не пьянея. Два московских парня. Одному двадцать два, другому двадцать. Лейтенанты Иван Алексеев и Игорь Николаев. Слесарь и художник. Они свою победу в мае 45-го пропили. Имели право» [7].

А вот строки из фронтового дневника студентки филологического факультета Ирины Михайловны Дунаевской, служившей военной переводчицей на Ленинградском фронте с 1942 по 1945 год включительно: «8 мая 1945 г. Ночью в 2 ч. 10 мин., по сути дела уже 9 мая — объявление о КАПИТУЛЯЦИИ ГЕРМАНИИ! Ожидали этого сообщения весь предыдущий день, и все-таки еще не верится. И вместе с тем наворачиваются слезы радости, счастья, блаженства. Мысли об Алеше... 9 мая 1945 г.... Отныне 9 мая станет **ГЛАВНЫМ ПРАЗДНИКОМ НАШЕГО ПОКОЛЕНИЯ!!!**» [5, с. 397–398].

А вот цитата из воспоминаний лейтенанта-связиста 31-й Армии Леонида Николаевича Рабичева, до войны — студента юридического института. День Победы он со своими подчиненными встретил в Чехословакии: «...Внезапно шоссе перегородила крытая повозка, и мужчина..., и мальчишки с сияющими лицами... кричали:

— Война капут! Фриц капут! И раздавали горячие пирожки, и разливали из кувшинов по бокалам вино...

...Не помню, каким образом мы проехали еще несколько десятков километров, окруженные толпами людей...» [8, с. 175–176].

Цитаты можно множить до бесконечности — все они объединены закономерным чувством невыразимой до конца радости, понять которую по-настоящему может только человек, сам ее переживший. Здесь необходимо

отметить, что в силу своего образования и кругозора воспоминания и дневники студентов-фронтовиков отличаются достаточно высоким литературным стилем и языком, иногда представляя собой почти художественные (по качеству текста, а не в плане вымышленности описываемых событий) произведения.

Но вот отгремели залпы победных салютов, отшумели пиршества по случаю окончаний войны, повседневная жизнь Армии-Победительницы начала входить в состояние мирного времени. Почти сразу начинается поэтапная, но достаточно быстрая и масштабная демобилизация — наша страна перестраивалась из экстремального военно-мобилизационного режима в режим мирный. Перестройке подверглось и советское общество. Практически у всех фронтовиков остро вставал вопрос: а что же дальше? Учитывая, что большинство из них кадровыми военными не являлись, вполне естественным выглядело их желание поскорее демобилизоваться. Студенты-фронтовики не составляли в этом плане исключения. Но кроме общих для всех моментов стремления домой, к родным и близким, любимым, детям (у кого они были), для студентов очень актуальным был также вопрос о возвращении к прерванной учебе, с тем, чтобы завершить свое образование и заниматься в мирной жизни тем делом, к которому стремились изначально.

Так высвечиваются несколько важнейших черт ментальности студентов-фронтовиков как специфической социальной группы в обширной структуре военного социума РККА в 1945 году. Это, во-первых, кумулятивный характер собственной статусной идентичности и, как следствие, повышенный уровень мотивации при переходе к мирной жизни; во-вторых, доминирование мажорных, позитивных умонастроений в коллективном и индивидуальном сознании (впрочем, эта черта является универсальной для абсолютного большинства участников войны, доживших до Победы); в-третьих, не менее высокий уровень социальной рефлексии, выразившейся в ярких артикуляциях собственных переживаний и понимании грандиозности пережитых событий. Эти моменты с течением времени станут той мощной мотивационной базой, которая существенно облегчит возвратную адаптацию вчерашних фронтовиков к подзабытому, но по-прежнему желаемому ими состоянию студентов и аспирантов.

Путь к дому и студенческой скамье для теперь уже бывших фронтовиков пролегал через государственные границы ряда европейских государств. Какое-то время назад солдаты и офицеры пересекали их в своем движении на Запад в составе действующей армии, теперь им предстояло проделать этот путь в обратном направлении. Сказать, что путь этот был безоблачным, означало бы погрешить против исторической правды. При возвращении миллионов демобилизованных через тысячи километров и несколько государственных границ проблемы должны были возникать просто по закону больших чисел. Ехали весело, с песнями и гармониями, плясками и выпивкой. Кто-то с кем-то подрался, кто-то закрутил роман с полькой или румынкой, отстав при этом от эшелона, кто-то впутался в криминальную историю. Правда, учитывая более высокий уровень культуры и образования студентов-фронтовиков, можно предполагать их минимальное участие в совсем уж неприглядных происшествиях. Иногда они даже выступали в качестве сдерживающего фактора. Так, один из спешащих домой студентов сумел предотвратить двойное преступление — убийство с ограблением, когда его попутчик предложил ему «вернуть дельце» у богатых румын, убив стариков и забрав у них изрядный запас золота. Молодой лейтенант сумел нейтрализовать рвение попутчика, причем без обращения в комендатуру или СМЕРШ. При этом в качестве «нейтрализатора» использовал самогон в большом количестве, а потом срочно погрузил несостоявшегося грабителя в поезд [8, с. 189].

Как видим, демобилизовавшиеся фронтовики из числа студентов могли выступать фактором социальной стабилизации в процессе перехода армии на штаты мирного времени. Однако трудности и проблемы на этом не кончались. Пересечение государственной границы СССР также могло порождать некоторые проблемы, правда, иного свойства. Так, известны случаи изъятия трофеев у возвращающихся домой фронтовиков. Это вызывало возмущение и жалобы [1, л. 97–98]. Причем, как можно понять из документов, конфискации подвергались достаточно скромные трофеи: отрезки кожи и шелка, часы или столовое серебро. И это на фоне того, когда некоторые предприимчивые высокопоставленные военные ухитрялись вывезти из Германии целые вагоны трофейного добра.

Опыт изучения мемуаров показывает, что абсолютное большинство студентов-фронтовиков считали ниже своего достоинства «прибарахляться». Как правило, трофеи ограничивались необходимыми еще на фронте вещами, либо какими-то памятными безделушками. Поколение студентов предвоенного времени было поколением бессребреников. Как уже было показано на примере лейтенанта Николаева, главным трофеем считалось то, что человек дожил до Победы.

Но вот герои вернулись домой. Здесь интересен такой факт: студенты-фронтовики, если брать за основу их воспоминания и дневники, не желали терять времени на пассивный отдых. Они стремились сразу же включиться интенсивную послевоенную мирную жизнь — в помощь родным, трудоустройство, возвращение к учебе либо все это одновременно. Естественно, возвращение к учебе было для студентов необычайно актуальной потребностью. Их интеллектуальные запросы, словно бы дремавшие в ходе войны, теперь просыпались и с новой силой заявляли о своих правах. Поэтому, прибыв домой, студент, не откладывая, направлялся в родной институт или университет. Типичным обликом студента была полевая армейская форма: гимнастерка, шинель, сапоги. В условиях послевоенного товарного голода и весьма скромных доходов военная форма долгое время служила единственной одеждой, ходить в которой на учебу было отнюдь не зазорно — скорее, наоборот, почетно. Никакого дискомфорта при этом никто не испытывал. Как говорилось, еще в ходе войны студенты остро переживали по поводу утраты прежнего багажа знаний; теперь у них появилась возможность восстановить утраченное, вспомнить забытое, завершить, наконец, свое обучение, столь затянувшееся в связи с войной. На примере воспоминаний и дневников можно увидеть, каковы были индивидуальные варианты этого массового социально-педагогического процесса. Ведь 1945/1946 учебном году в ряды студенчества вновь влилось не менее 100 тыс. человек, демобилизовавшихся из рядов Красной Армии, в последующие два года этот приток продолжился. Процесс возвратной адаптации собственно к учебе, учитывая все вышесказанное о психоэмоциональном состоянии людей в конце войны и принимая во внимание также состояние всего советского общества, социально-экономические условия

жизни людей, протекал и сходно, и различно одновременно. Как уже отмечалось, над всем доминировало страстное желание вернуться к учебе либо продолжить занятия в аспирантуре, либо реализовать мечту о высшем образовании у тех, кто закончил 10-й класс в 1941 году и не успел поступить в институт.

Учитывая сложности послевоенного периода, демобилизовавшимся студентам приходилось синхронно решать несколько задач, кроме собственно возвращения к учебе. Так, упомянутый выше Владимир Стеженский, демобилизовавшись, возвратившись с войны, безусловно, вернулся к прерванному филологическому образованию. Тем более что, будучи на фронте, он исполнял обязанности военного переводчика, так что полностью забыть знания он не мог; но, вместе с тем, он решал и проблемы своей личной жизни, которые не давали ему покоя всю войну, — в конечном итоге, ему удалось вновь встретиться со своей любимой девушкой Ниной, которую он иногда полагал потерянной для себя навсегда, о чем не раз и со всей горькой откровенностью говорилось на страницах фронтового дневника. Учитывая отсутствие в воспоминаниях В. Стеженского упоминания о каких-то серьезных проблемах с учебой, можно заключить, что процесс реадaptации прошел для него достаточно ровно. Хотя, с другой стороны, можно трактовать это молчание и по-другому: после пережитых за годы войны испытаний и смертельных опасностей любые проблемы мирной жизни казались такими мелочами, что переживать по их поводу было просто смешно. Об этом не раз говорили в своих воспоминаниях многие фронтовики.

Однако столь беспрепятственно вхождение в учебный процесс проходило не у всех. Главной трудностью здесь было не только частичное забвение прежних знаний, но и изменившиеся за войну взгляды на жизнь, что вело и к изменению сферы интересов. Так, Леонид Рабичев, учившийся до войны на юриста, после войны предпочел переквалифицироваться в профессионального литератора. По его словам, это решение оформилось у него еще на военной службе, было подкреплено поэтическим талантом и беседой с разбирающимися в литературе людьми. Благодаря этому решению, круто менявшему траекторию судьбы вчерашнего фронтовика, юриспруденция лишилась вполне заурядного, пусть и добросовестного

работника, зато отечественная культура приобрела весьма незаурядного поэта и оригинального художника, пусть и не известного многим. В доказательство реализованного Л. Рабичевым литературного таланта можно привести отрывок из стихотворения:

Мост над пропастью или подкоп,
Свет погас, и не топят в квартире,
Рассуждаю о Боге и мире.
На рисунке ковчег и потоп,
На столе сельдерей и укроп,
Молоко и картошка и в мундире.
Мысли, словно пудовые гири.
Надо вырыть за домом окоп [8, с. 249].

В этих, внешне безыскусных стихах, отразилось мировоззрение бывшего фронтовика, вернувшегося в мирную жизнь, но сознанием еще пребывающего очень близко к войне. Можно предположить, что война помогла человеку лучше осознать собственное предназначение, решиться и суметь самому избрать путь своей жизни. Так что война не просто вырабатывала повышенную адаптивность и жизнестойкость, но помогала прошедшим через ее горнило молодым людям окончательно определиться в плане смысла жизни.

Многие деятели отечественной культуры после демобилизации возвратились в институтские аудитории, но, к сожалению, далеко не все оставили свои воспоминания о послевоенной адаптации к учебному процессу. Среди тех, кто прошел через фронтовой ад, были те, кому суждено было, завершив свое высшее образование, стать звездами первой величины на небосклоне советской литературы. К таковым, безусловно, относился Федор Алексеевич Абрамов. Будучи тяжело ранен в 1942 году, он был признан ограниченно годным и проходил службу в органах военной контрразведки СМЕРШ, а окончательно демобилизовался и восстановился в ЛГУ на филологическом факультете осенью 1945 года. Сам Абрамов, кроме кратких заметок в дневнике и небольших систематизированных воспоминаний о своем приспособлении к послевоенной жизни не оставил. Но даже из имеющихся кратких материалов можно почерпнуть немало интересного. К тому же сохранились воспоминания однокашников писателя.

Вот как говорит о своем товарище М. Каган: «Другая черта абрамовского характера — его непреложное желание решение демобили-

зоваться и вернуться в университет, хотя перед ним расстилалась заманчивая по тем временам карьера контрразведчика. Вернуться же предстояло к двум годам нелегкой студенческой жизни с полной неясностью дальнейшей судьбы; писательская профессия была, очевидно, и тогда мечтой, не имевшей еще никаких оснований. Но тут филологическим устремлениям Абрамова пришлось столкнуться с еще одним неожиданным препятствием — искушением поменять литературоведческое образование на искусствоведческое» [2, с. 182–183]. Далее повествуется о том, как будущий писатель, поддавшись на уговоры друга, перешел на искусствоведческое отделение исторического факультета, где со временем показал себя не менее успешно, чем ранее на филологическом. Причем немалую роль в наверстывании отставания в учебном процессе сыграли товарищи-однокурсники, помогавшие готовиться к занятиям и сдавать экзамены. Но, несмотря на успехи, Федор Абрамов принял решение возвратиться на филфак, который успешно закончил в 1949 году.

В этих внешних метаниях, тем не менее, проглядывает вполне определенный вектор послевоенной траектории жизни Федора Абрамова, который с определенными поправками, может быть перенесен на все военное поколение студентов. Здесь и отказ от устроенной сытой и вполне престижной жизни в роли сотрудника органов госбезопасности, и очевидная тяга к саморазвитию, целеустремленность, намерение не сворачивать с однажды избранного пути, товарищеская забота и взаимовыручка — то есть целый комплекс социальных отношений и ценностей, которые вырабатывали не только направление жизни, но и адаптационный механизм. Если же говорить о самом Абрамове, то он никогда не жаловался на материально-бытовые трудности послевоенного жизнеустройства или трудности возобновления учебы. Огромное возмущение, отразившееся в опубликованных после смерти писателя дневниках и заметках, у демобилизовавшегося фронтовика вызывали вопиющие факты бездушия и несправедливости тогдашней бюрократии к людям, которые отстаивали страну ценой своей жизни, молодости и здоровья. И при этом Ф. Абрамов ни разу не упомянул о себе и своих проблемах — все его мысли были о товарищах, о людях, с которыми сводила жизнь. Это

также характерная черта студентов-фронтовиков — высокий альтруистический накал, готовность «живот положить за други своя», явно привнесенная из норм человеческих взаимоотношений на фронте. Эта жертвенность также входила в комплекс послевоенной адаптации — чем труднее приходилось самому человеку, тем больше душевной теплоты он отдавал ближнему и сам, черпая в этом силы для преодоления испытаний.

Сколько судеб — столько и вариантов приспособления к послевоенной жизни и учебе. Некоторые студенты и аспиранты в годы войны не только не утратили своих профессиональных компетенций, но и существенно их повысили, благодаря специфике своей военной профессии. Примером такого рода может служить научная биография Бориса Владимировича Зылева. В 1941 году он успешно закончил МИИТ и тогда же поступил в аспирантуру по специальности инженера-мостовика. Однако с началом войны он записался добровольцем в 6-ю дивизию народного ополчения Москвы, а позднее в составе 36-й бригады железнодорожных войск восстанавливал мосты в полосе действий ряда фронтов. Благодаря экстремальным условиям работы он приобрел уникальный опыт. После войны Б.В. Зылев вернулся в аспирантуру МИИТа, а в 1948 году защитил кандидатскую диссертацию [6, с. 123—128]. При всей прямолинейности научной биографии в ней можно отметить одну важную особенность: вчерашний фронтовик работал и учился, писал диссертацию на общих основаниях, без каких-либо поблажек и скидок на его фронтовой опыт мостового строительства. Послаблений никто не требовал и не давал.

Еще один вариант реадaptации к учебному процессу предоставляет в наше распоряжение в своих воспоминаниях Александр Уразов. До войны он закончил с отличием техникум, а после войны решил продолжить образование. Возможность для этого представилась только в 1952 году, когда жизнь несколько наладилась. Характерен диалог, произошедший в момент зачисления автора воспоминаний на Высшие инженерные курсы Министерства угольной промышленности СССР: «На экзаменах я отвечал лишь в общих чертах на вопросы преподавателей; никаких формул не помнил и старался выпятить грудь с орденами Славы, Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими наградами. И это помогло.

— Как же вы с такой слабой подготовкой будете учиться на ускоренных курсах? — спросил меня профессор.

— Мне только поступить, и я буду учиться на «отлично».

— Да, он окончил техникум с отличием, — поддержал меня директор курсов» [11, с. 349].

Далее автор воспоминаний рассказывает о том, как приходилось жить и учиться на стипендию в 1100 рублей (а ведь у свежеспеченного студента была семья). При этом преподаватели не делали скидок на фронтовое прошлое студентов. Сам А.П. Уразов говорит о том, что «сидел сутками за учебниками, чтобы вспомнить все позабытое за военные и голодные послевоенные годы». Итогом этих титанических усилий стало окончание курсов с отличием и последующая успешная карьера инженера.

В данном случае мы видим те же особенности, которые отмечались нами ранее: высокая мотивация, помогавшая преодолеть трудности, доброжелательное, но объективное и без скидок, отношение окружающих, высокий уровень прикладываемых личных усилий и последующая достаточно успешная карьера по избранной специальности. Перечень примеров послевоенных биографий студентов-фронтовиков можно продолжать. Однако даже приведенных эпизодов достаточно, чтобы сделать некоторые общие выводы.

1. Возвращение к прерванной учебе было массовым явлением среди фронтовиков из числа довоенного студенчества.
2. Многие студенты, находясь во фронтовых условиях, отмечали снижение собственного интеллектуального уровня под влиянием обстоятельств.
3. Для большинства тех, кто прошел войну и затем возвращался к прерванной учебе, этот возврат прошел достаточно успешно, причем это объяснялось также и тем, что возвращение с войны к учебе воспринималось как возврат к мирной жизни, тогда как война при всей своей масштабности и продолжительности рассматривалась как социальная патология.
4. Факторами, обусловившими успех послевоенной реадaptации студентов-фронтовиков к учебному процессу, явились высокий уровень личностной мотивации, повысившаяся в военных невзгодах самооценка и способность переносить трудности, а так-

же государственная политика в области образования: так, общеизвестен факт, что после окончания строительства нового здания МГУ на Ленинских горах строителям предоставлялся своеобразный карт-бланш в виде права свободного выбора поступления на любой факультет без экзаменов.

5. Немалую роль сыграла окружающая социальная среда — с одной стороны, безусловно, доброжелательная, с другой стороны, — объективно требовательная в плане учебы (со стороны преподавателей) к возвращающимся с войны студентам.
6. Опыт послевоенной адаптации студентов-фронтовиков к учебному процессу

стал не только проблемой одного лишь высшего образования, но и социокультурным срезом всего советского общества того времени, в очередной раз подтвердив аксиому о тесной и неразрывной взаимосвязи системы образования с общественной ситуацией и образовательной политикой государства.

7. Приобретенный опыт явился уникальным по масштабам и результативности и, будучи аккумулирован и приспособлен к современным условиям, может существенно повысить эффективность российской системы высшего профессионального образования.

Литература

1. ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 286. Л. 97–97.
2. *Абрамов Ф.А.* О войне и Победе. СПб., 2005. С. 182–183.
3. *Гуссерль Э.* Внутреннее сознание времени. М., 1994. С. 12.
4. *Драбкин А.* Я дрался на Т-34: рассказы танкистов. М., 2009. С. 399.
5. *Дунаевская И.М.* От Ленинграда до Кенигсберга. Дневник военной переводчицы. М., 2010. С. 397–398.
6. *Зылев Б.В.* Воспоминания ополченца. М., 2012. С. 123–128.
7. *Николаев И.И.* Лейтенанты // Звезда. 2009. № 9. www.zvezdaspb.ru (дата обращения 10.11.2012).
8. *Рабичев Л.Н.* Война все спишет. М., 2009. С. 175–176.
9. *Сиверцева Н.Л.* Великая Отечественная война и высшая школа // Социологические исследования. 1995. № 5. С. 35–44.
10. *Стеженский В.И.* Солдатский дневник. М., 2005. С. 165–166.
11. *Уразов А.П.* Судьба штрафника. М., 2012. С. 349.